

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)329.48
Ц 30

З.А. Цеева,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры адыгов ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, тел.: 89094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАПАДНОКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО МОРЕХОДСТВА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

(Рецензирована)

Аннотация. В работе характеризуются социокультурные аспекты западнокавказского военного мореходства в античную эпоху. Отмечается, что носителями мореходной традиции являлись древние предки автохтонных этносов Западного Кавказа – адыгов и абхазов, которые локализованы античными источниками в горах Черноморского побережья и известны как ахеи, зихи, гениохи. Подчеркивается, что военное мореходство западнокавказских горцев в античное время имело форму пиратского промысла. Особое внимание уделяется географическим и социокультурным факторам, игравшим важную роль как в генерации морского разбоя, так и в формировании демократических институтов западнокавказских обществ. В статье рассматривается роль морской стихии в становлении демократических институтов.

Ключевые слова: мореходная традиция, Западный Кавказ, античная эпоха, пиратство, ахеи, зихи, гениохи.

Z.A. Tseeva,

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Culture of the Circassians FGBOU VPO "The Adyghe State University", Maikop, ph.: 89094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE WESTERN CAUCASUS MILITARY NAVIGATION IN ANCIENT TIMES

Abstract. In this paper, the main characteristics are given to socio-cultural aspects of West Caucasian military navigation in ancient times. It is noted that carriers of navigational tradition were ancient ancestors of indigenous ethnic groups of the Western Caucasus – Circassians and Abkhazians, which were located, according to the ancient sources, at the Black Sea coast and in the mountains and are known as Akheis, Zikhs, Geniokhs. It is emphasized that military navigation of West Caucasian highlanders in ancient times looked more like pirate fishing. Particular attention is paid to geographical and socio-cultural factors which played an important role in the generation of sea robbery, and in the formation of democratic institutions of West Caucasian societies. The paper discusses the role of the marine element in the development of democratic institutions.

Keywords: nautical tradition, Western Caucasus, the ancient era, piracy, Ahei, Zikhs, Geniokhs.

Наиболее ранние письменные источники о регионе Северного Причерноморья и Западного Кавказа появляются вместе с первыми античными колониями на Азово-Черноморском побережье и восходят к VI в. до н.э. Однако отголоски еще более древних путешествий эллинов в эти края отразились в древнегреческих мифах и эпосе. Впечатления моряков, вошедших в черноморские воды, отразились в стихах «Одиссеи» Гомера:

...Там киммериян печальная область, покрытая вечно

Влажным туманом и мглой облаков [1; 13].

И практически сразу античные источники «заговорили» о военном мореходстве насельников Западного Кавказа и об одной из его ипостасей – пиратстве. Из античных произведений явствует, что ко времени написания древнейших из них практика военного мореходства у западнокавказских горцев насчитывала не одно столетие.

Для получения более полного представления о военном мореходстве западнокавказских обществ представляется важным рассмотреть ближайшие очаги развития военного мореходства и пиратства. Существовавшее как широкомащтабное явление в бассейне Средиземного моря античное пиратство наиболее близко по форме и содержанию к западнокавказскому.

Отечественные исследователи советского периода, опиравшиеся на формационный подход к истории, при анализе античного пиратства рассматривали данное явление как следствие отсталости племен с низким уровнем социально-экономического развития и способ примитивных (в сравнении с классическими рабовладельческими государствами) обществ добиться большего экономического роста путем захвата пленных и последующего их сбыта на рабовладельческих рынках. Однако на современном этапе разви-

тия исторической науки подобный подход не может удовлетворять исследователя. Анализ проблемы пиратства в контексте цивилизационного подхода к историческому процессу позволяет переосмыслить целый ряд вопросов, связанных с данным явлением.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на географическую локализацию центров возникновения античного пиратства – этрусского или тирренского, киликийского, фракийского. Все отмеченные очаги пиратской активности характеризуются рядом географических особенностей: это сильно изрезанная горная береговая линия, сеть прибрежных островков, доступных для легких пиратских судов, дальняя видимость. Вот, по мнению исследователя пиратства Я.Л. Ленцмана, та географическая среда, которой обладали пираты древности и которая породила морской разбой [2; 221].

Дальнейший анализ географической, а вместе с ней этнической, локализации очагов пиратства позволяет опровергнуть тезис об отсталости пиратствующих этносов. Развитость этрусских и минойских обществ вряд ли может подвергаться сомнению. Естественно, возможность пополнения собственных ресурсов за счет пиратства считалась привлекательной. Однако лишь в первом приближении проблемы экономического характера кажутся основными причинами, порождавшими пиратство. Более подробный анализ пиратского промысла у разных этносов выводит из тени веков иные побудительные причины для развития данного явления.

Знаток античного мореплавания и судостроения А.Б. Снисаренко утверждает, что, в первую очередь, с пиратством связано стремительное развитие судостроения, навигационных знаний, торговых связей, военно-политических союзов – всего, что составляет историю античного общества. Иссле-

дователь подчеркивает очевидную связь морского разбоя и торговли. Более того, согласно ранней античной письменной традиции, грань между античным морским торговцем, воином греческого полиса и пиратом была очень тонкой [3; 8–9]. Пиратство, как и война, считались в древности обычным хозяйственным занятием, как скотоводство, земледелие. Но было то, что резко отличало прозаический повседневный труд от войны на море – это опасность. Поэтому античные писатели связывают с морским разбоем имена и деяния полубогов и героев – сильных, мудрых, отважных: Геракла, Одиссея, Ясона. Древние трактовали пиратский промысел как проявление ума, силы, инициативы [3; 10–12]. И, конечно же, это было поприще для снискания славы в глазах соплеменников, и потому морской разбой был популярным и даже престижным родом деятельности в античную эпоху. А слава удачливого воина, бесспорно, была наивысшей точкой на шкале ценностей многих народов древности.

Стоит отметить, что успех морских разбойников зависел и от наличия у пиратов довольно развитой материальной базы для строительства и ремонта судов, а также для изготовления вооружения. Нужны были обширные знания в области судостроения, навигации, совершенствование приемов войны на море. А еще необходимы были агенты (военные и торговые), посредники и рынки для сбыта награбленного имущества и пленников. И все это, как правило, имелось у пиратов античной эпохи [3; 10–12]. Таким образом, оказывается, что представители развитых ранних цивилизаций древнего Средиземноморья являлись наиболее последовательными представителями античной пиратской традиции. Их этники – тиррен, критянин – стали синонимами слова «пират».

По своему масштабу и драматичности обстановка с развитием мор-

ского разбоя у Кавказских берегов была не менее напряженной, чем в Средиземноморье. Пиратством, согласно античной письменной традиции, занимались этнические образования, расселившиеся на Восточных берегах Черного моря и в отдельных районах Азовского побережья. Древнегреческие авторы почти единодушно называют морскими разбойниками в азово-черноморской акватории племена ахеев, зихов и гениохов. Античные источники локализируют названные этнополитические образования на территории, растянувшейся от современного Туапсе до Пицунды [4; 54].

Исследователи в вопросе этнической идентификации пиратствующей триады сходятся во мнении о протоадыго-абхазской принадлежности зихов и ахеев. Гениохи же рассматриваются либо как конгломерат протоадыго-абхазских субэтнических образований, либо в качестве этнически однородного массива протоабхазского происхождения [5; 86, 111]. У античных авторов сформировался собирательный термин «камариты» (от названия судов горских пиратов «камары»), имевший вполне четкую этническую окраску. Под «камаритами» подразумевались ахеи, зихи и гениохи. Условия, выделившие из целого ряда приморских племен именно данный анклав в качестве константной зоны пиратства, кроются, на наш взгляд, в целом ряду гораздо более сложных явлений, нежели потребности экономики.

Если опираться на вышеуказанное положение Я.Л. Ленцмана об особенностях географической среды, стимулировавшей морской разбой, то при рассмотрении Азово-Черноморского побережья Кавказа и Крыма четко прослеживается та же закономерность, что и в Античном Средиземноморье. Пиратские общества фиксируются в строго определенных горных областях, где суровый ландшафт изобилует множеством крутых лесистых склонов,

резко обрывающихся в море, где нет удобных гаваней для причаливания крупных судов. Пиратские же суда прятали в устьях множества рек, впадающих в Черное море. У берегов Крыма, среди прибрежных скал, есть маленькие лагуны – идеальные места для пиратских стоянок. В областях, где имеются горы с более пологими склонами и значительные равнинные зоны, античные источники локализуют керкетов, синдов и меотов, а также пестрое население греческих полисов, объединившихся в Боспорское царство [6; 94].

Современный облик описываемого побережья во многом изменен благодаря многолетней техногенной деятельности человека, сгладившей и выровнявшей некоторые участки уже в XX в. Но реконструкцию ландшафта более раннего периода можно провести по наблюдениям иностранных авторов. В частности, французский путешественник XIX в. Ф.Д. де Монпере сравнивает территорию побережья в районе Гагр с Фермопильским проходом [7; 8–9, 17].

Анализ причин, порождавших пиратство, предполагает рассмотрение не только ландшафта, но и культуры жизнеобеспечения местного населения. Стоит отметить, что в исследованиях, посвященных античной истории региона, обстоятельно описана система хозяйства меотских племен и Боспорского царства. При этом многочисленные свидетельства о жителях берегов Боспора Киммерийского, Меотиды и Прикубанья контрастируют с крайне скупыми, а подчас и абсурдными, высказываниями о горных племенах. Греки знали западно-кавказских горцев Причерноморья только как безжалостных пиратов [6; 180]. Они не представляли их в обычных мирных трудах земледельцев, пастухов или ремесленников. Думается, уместно сравнить взгляд античных источников на западно-кавказских горцев-пиратов с «портретом» викингов в средне-

вековых источниках, чей мрачный свирепый облик заслонял, говоря словами А.Я. Гуревича, тех, кто за ними стоял: пахал землю, косил сено, ловил рыбу, пас скот, то есть занимался повседневным трудом, на котором строилась вообще культура эпохи [8; 8]. Мало кто из чужеземцев рисковал посетить горцев, имеющих репутацию пиратов. Однако источники приписывают агрессивность обитателям прибрежных гор не без оснований. Объяснение этому необходимо искать на стыке социальной, политической, экономической истории и истории ментальностей. Так, Ф. Бродель, рассматривая социальные очертания горных районов Средиземноморья (куда он включал и Черноморский регион), отмечал их защищенность и стабильность в обеспечении продуктами и полезными ископаемыми [9; 40]. Это означает, что жители горных районов до определенного периода не испытывали необходимости в контактах с внешним миром. Замкнутые в своих горных долинах, они, очевидно, с недоверием относились к чужеземцам и избегали общения с ними. Территория, заселенная горцами, пугала жителей равнин и иноземцев, и большинство обходило эти места стороной при любой возможности. На самом деле горы отгораживают население от внешнего мира. Горы внушают равнине одновременно и уважение, и суеверный страх. И древние путешественники, и историки, по мнению Ф. Броделя, старались обходить эти пользовавшиеся дурной славой места [9; 36, 38, 40]. Так, Страбон, описывая поход царя Митридата Евпатора, отмечает, что «от намерения пройти через страну зигов ему пришлось отказаться из-за ее суровости и дикости, только с трудом удалось Митридату пробраться вдоль побережья, большую часть пути продвигаясь у моря» [6; 181].

Известно, что природные условия в горах способствуют форми-

рованию особого психотипа, особой ментальности у людей, их населяющих. Суровая среда обитания горцев нуждалась в иных подходах к агротехнике, сопряженных с большими усилиями, чем на равнине. К жизни в горах люди приспособились тысячелетиями и рассчитывали в основном на самих себя, производя все необходимое [9; 50]. Но очевидно и то, что горцам был необходим выход из замкнутости горных ущелий. Путь через перевалы сулил большие трудности и неудобства при передвижении. Рядом же находилось море, по которому проплывали иноземные корабли, которые сразу становились объектами нападения. По всей вероятности, западно-кавказские горцы и тавры Крыма, проживавшие в ограниченном пространстве горного ландшафта, расценивали море, омывающее их скалистые берега как продолжение своей территории. Дальняя видимость со скал позволяла визуально отодвинуть границы условных морских владений на значительное расстояние. Естественно, что вторжение чужого судна в прибрежные воды психологически отождествлялось с посягательством на их суверенную территорию. А нарушители должны быть наказаны тем или иным образом. Например, тавры, известные грекам как морские разбойники, по словам древнегреческого историка Геродота, приносили в жертву богине-Деве потерпевших кораблекрушение и захваченных ими в открытом море эллинов [6; 48].

Горец, чей менталитет сформировался на фоне обостренной идеи охраны отвоеванного у природы пространства, отвечал эскалацией военной активности на вызов, потенциально исходящий со стороны чужеземных кораблей. Военная добыча, награбленная во время пиратских акций, была не только и не столько источником приобретения материальных благ. Она приобретала значение социального отли-

чия и выполняла важную знаковую функцию.

На протяжении веков и даже тысячелетий единственно возможным способом закрепления своего суверенитета на воде являлось военное мореходство (в том числе и пиратство). Пиратство было наиболее удобной формой заявить о своих правах на акваторию. Корабль служил, по сути, условным продолжением владений, расположенных на земной тверди. Психологически корабль отождествлялся с частью суши, прилегающей к морю. Очевидно, глубоко архаичным стереотипам сознания и поведения мы обязаны существованием в современном международном морском праве пункта, считающего судно продолжением территории государства, которому оно принадлежит [10; 319].

Корабельный экипаж был подчинен идеям, порожденным и провозглашенным на берегу той или иной системой социальных отношений. Социальная структура и военная организация горских и равнинных обществ, по всей вероятности, должна была отличаться. Судя по всему, особенностью горской общественной организации являлась более высокая степень демократизма по сравнению с равнинными образованиями. Это объясняется особенностями ландшафта, в условиях которого развивался социум. Ф. Бродель подчеркивал особое демократизирующее влияние гор: «Во многих местах Старого света горы не только естественные преграды, но одновременно социальный барьер, убежище, где нивелируются слои общества, приют народоправства и крестьянских «республик» [9; 46–47].

В горах в силу особенностей рельефа было больше возможности уклониться от встречи с противником, легче отстоять обороняемый участок. Узость и крутизна горных дорог не позволяли в полной мере использовать здесь кавалерию в ка-

честве ударной силы всаднической аристократии, притязавшей на главенство в обществе. Верх в таком противостоянии, скорее всего, одерживал горец-пехотинец. Методы для достижения победы могли быть разнообразны: завал из камней на тропе, обвал, засада в особо узких проходах и т.д. В любой момент горец мог скрыться в густых горных лесах, среди неприступных скал, обороняясь сверху от навязываемых ему принципов, подразумевавших подчинение иерархизированной элите.

Не меньшую роль в становлении демократических институтов играла морская стихия. Английский историк и культуролог Арнольд Тойнби в свое труде «Постижение истории» признавал особую роль общения этносов с морем в процессе их генетического развития. В частности, им был рассмотрен процесс так называемой заморской миграции. В этой связи он отмечал: «Особый стимул заморской колонизации ярко виден в истории средиземноморья в течение первой половины последнего тысячелетия до н.э. Стимулирующее действие морского пути, возможно, самое сильное среди всех, которым подвергаются мигрирующие народы» [11; 223].

Пиратство исследуемых причерноморских обществ вполне реально соотносится с определением, так называемой, маятниковой миграции, означавшей в нашем случае регулярное перемещение горцев к местам разбойничьей практики. В данной связи представляется возможным экстраполяция ряда положений концепции А. Тойнби на местные условия.

Стимулирующее действие морского пути не ограничивалось освоением морских просторов и новых территорий. Огромное значение при этом имели социальные перемены, происходившие внутри мигрирующей группы. По мнению А. Тойнби, «во время заморской миграции весь социальный багаж мигрантов

сохраняется на борту корабля как бы в свернутом виде» [11; 233].

Социальный опыт горцев, заключавшийся в демократическом устройстве, оказывался законсервированным в пределах пиратского судна. Кроме того, в результате морских миграций закладывались основы республиканской демократии, подразумевавшей превалирование договорных обязательств, а не родства [11; 234].

Это объясняется тем, что корабельная (в нашем случае – пиратская) команда организовывалась выходцами из разных родовых групп и областей со строго определенной целью. Общие опасности в пути, высокая вероятность гибели на одном судне сплачивали людей. Жесткая кооперация на море, спаянная невзгодами, приводила к переносу корабельной социальной организации экипажа на осваиваемые территории (в случае переселения). В результате, по словам Тойнби, «...на суше, как и на море, дружба оказывается более существенным элементом, чем родство, а приказы избранного и наделенного полномочиями лидера – более авторитетными, чем подсказка обычая и привычки. Фактически, из группы судовых экипажей, объединившихся для завоевания..., родились городской магистрат и идея городского самоуправления» [11; 235].

Необходимо подчеркнуть, что Тойнби развивает идею становления демократии именно путем осуществления военных мероприятий на море. Период военной демократии был характерным этапом в генезисе общественных отношений многих этнических образований, а при переносе демократических элементов на военно-морскую организацию она получала новый импульс. Сообразно этому, военно-демократические принципы горцев нашли свое дальнейшее развитие в пиратской организации.

Общие опасности в пути, высокая вероятность гибели на одном

судне сплывали и уравнивали морских воинов. Кооперация равноправного пиратского экипажа на море, с одной стороны, приводила к влиянию военной организации на общественное устройство западнокавказских горцев. С другой стороны, демократические принципы горцев находили свое дальнейшее развитие в пиратской организации. Таким образом, создались условия, при которых социальный опыт горской военной демократии получал дополнительную поддержку. Постоянный спрос на невольников ка-

тализовал усилия морских разбойников. Поэтому стоит отметить, что экзогенные факторы морского разбоя тесно взаимодействовали с внутренними побуждениями, прораставшими из ценностных установок горского общества, связанных с военными и социальными институтами. Очевидно, взаимная обусловленность внешних и внутренних причин, генерировавших пиратство, помноженная на консерватизм горских обществ, во многом объясняет долговременность существования пиратского промысла.

Примечания:

1. Гомеровский эпос. Одиссея. XI, 12-19 // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Северо-Кавказский научный центр высшей школы; сост.: В.Ф. Патракова, В.В. Черноус; отв. ред. М.Р. Гасанов. Ростов н/Д: Русская энциклопедия, 1990.
2. Ленцман Я.Л. К вопросу об источниках эллинистического пиратства // ВДИ. 1946. № 4. С. 219-230.
3. Снисаренко А.Б. Эвпатриды удачи. Трагедия античных морей. Л.: Судостроение, 1990. 416 с.
4. Античные источники о Северном Кавказе: хрестоматия / сост. В. М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 393 с.
5. Бетрозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик: Нарт, 1991. 136 с.
6. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Северо-Кавказский научный центр высшей школы; сост.: В.Ф. Патракова, В.В. Черноус; отв. ред. М.Р. Гасанов. Ростов н/Д: Русская энциклопедия, 1990. 400 с.
7. Монпере Ф.Д. де. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Т. I. Сухуми: АБГИЗ, 1937. С. 8-9, 17.
8. Гуревич А.Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966. 187 с.
9. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.
10. Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 584 с.
11. Тойнби А.Д. Постигание истории. М.: Прогресс: Культура, 1991. 736 с.

References:

1. Homeric epos. Odyssey. XI, 12-19 // Caucasus and Don in the works of ancient authors /North-Caucasian scientific center of higher school; Ed .: Patrakova V.F. Chernous V.V.; Ed. Hasanov M.R. Rostov -on-Don / Russian Encyclopedia, Rostov-on-Don branch 1990. P. 400.
2. Lentsman Y.L. To the question ont the sources of the Hellenistic piracy // VDI. 1946. – № 4. P. 219–230.
3. Snisarenko A.B. Eupatrides luck. The tragedy of ancient seas. A: Shipbuilding, 1990. P. 416.
4. Ancient sources of the North Caucasus: a reader / comp. V.M. Atalikov. Nalchik El Fa, 2004. P. 393.
5. Betrozov R.J. Origin and ethno-cultural ties of Circassians. – Nalchik: Nart, 1991. P. 136.

6. The Caucasus and Don in the works of ancient authors / North Caucasian scientific center of higher school; Ed.: V.F. Patrakova ,V.V. Chernous; H.Ed. M. Hasanov. Rostov-on-Don: Russian Encyclopedia, Rostov-on-Don branch, 1990. P. 400.
7. Frederic Dubois de Monpere Travel around the Caucasus. Circassians and Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia, and in the Crimea. T.I. Sukhumi: AbGIZ 1937. Pp. S. 8–9, 17.
8. Gurevich A.Ya. Vikings march. M: Science, 1966. P. 187.
9. Braudel F., The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. M.: Languages Slavic culture, 2002. P. 496.
10. International law. Textbook for high schools. Managing editors prof. G.V. Ignatenko and prof. O.I. Tiunov. M.: Publishing Group NORMA-INFRA, 1999. P. 584.
11. Toynbee A.D. Study of History. M.: Progress. Culture, 1991. P. 736.